III МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 323.22/28:332.1(470.5)
DOI 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286

КОНКУРСНАЯ МОДЕЛЬ РЕКРУТИРОВАНИЯ ГЛАВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ УРАЛА: СПЕЦИФИКА И ТИПОЛОГИЯ

В. С. КОВИН
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
г. Пермь, Россия
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия

Р. И. ПЕТРОВА
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН,
г. Пермь, Россия
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия

Для цитирования:
Ковин В. С., Петрова Р. И. Конкурсная модель рекрутирования глав в политическом пространстве промышленных городов Урала: специфика и типология // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 267–286. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286.

Введение: с 2010-х годов промышленные предприятия малых городов Урала значительно реже принимают активное публичное участие в местной политике. Тем не менее, позиция главы исполнительной власти вызывает интерес у местных групп и конкуренцию между ними. Какие стратегии выбирают и от каких факторов зависит участие или неучастие предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы города? Какие коалиции складываются в ходе проведения конкурса и как выстраиваются властные иерархии политического пространства?

Цель: определить роль и охарактеризовать стратегии участия или неучастия промышленных предприятий городов Урала в процессе конкурсного рекрутирования главы.

Методы: глубинные интервью, теория социального пространства П. Бурдье.

Результаты: систематизирована взаимосвязь между ключевыми характеристиками политико-экономического и публично-политического поля локального политического пространства; проанализированы 29 конкурсов по избранию глав местного самоуправления в промышленных городах Пермского края, Свердловской и Челябинской областях с точки

 © Ковин В. С., Петрова Р. И., 2019

зрения их конкурентности и конфликтности; выделены и описаны модели участия предприятия в конкурсе; определены ведущие факторы, влияющие на выбор стратегии участия или неучастия промышленного предприятия в конкурсных процедурах.

Выводы: промышленное предприятие и его менеджмент являются субъектами локальной политики и важным элементом, структурирующим политическое пространство муниципалитета. Основными факторами, влияющими на выбор стратегии участия или неучастия предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы, являются экономическое состояние предприятия и его вложения в социальные программы города; наличие нескольких крупных предприятий в одном политическом пространстве; особенности отношений между местной властью и предприятием; степень самостоятельности предприятия и локализации контроля над ним; позиция региональной власти.

Ключевые слова: локальная политика; конкурсная модель рекрутирования глав; промышленные города Урала; градообразующие предприятия; политическое пространство; местное самоуправление; муниципальные органы власти; локальные элиты

ВВЕДЕНИЕ

Процессы вертикализации и унификации исполнительной власти медленно, но неуклонно продолжают захватывать все элементы российской политической системы. Несмотря на конституционное отделение от государственного уровня власти и известную вариативность возможных моделей формирования муниципальных органов власти, местное самоуправление весьма настойчиво подвергается этим процессам со стороны региональных властей (Гельман, 2003; Туровский, 2015). Некоторое разнообразие субнациональных моделей управления локальной политикой, сложившееся к середине 2000-х годов, на протяжении последнего десятилетия все больше сочетается с унификацией системы местного самоуправления в рамках конкретного субъекта Российской Федерации.

Уже в 2000-е годы в российских политических исследованиях местная политика и местные выборы стали рассматриваться как важный элемент функционирования триединой системы политических отношений – государственно-муниципальных, центр-локальных и регионально-локальных. Местная самоорганизация общества начала интерпретироваться как составная часть субнационального уровня организации политической системы при наличии региональных и локальных политических акторов и безусловном доминировании региональных интересов (Lankina, 2005; Туровский, 2014; Чирикова и др., 2014). При этом утверждалось, что система отношений на субнациональном уровне между регионом и муниципалитетом фактически воспроизводила характер отношений между центром и регионами (Wollmann and Gritsenko, 2008; Росс, 2008), а централизация общенациональной политики компенсировалась для региональной элиты ростом автономии в отношении локальной политики и усилением контроля над муниципальными выборами и, как следствие, их большей управляемостью и меньшей политизацией.

Однако дальнейшие исследования локальной политики и местных выборов показали, что не все так однозначно (Подвинцев, 2010; Ковин и Подвинцев, 2015; Баранов, 2015; Панов, 2014). Во многих регионах политическая конкуренция сохранилась на уровне муниципальных выборов, которые

в меньшей степени поддавались стандартизации, чем выборы федерального и регионального уровней. Однако эксперименты с различными способами формирования муниципальных органов власти, когда в одном регионе одновременно применялись различные способы избрания глав и разные избирательные системы для выборов депутатов представительных органов, судя по всему, отходят в прошлое (Туровский, 2015; Туровский, 2014). Активнее всего этот процесс затронул исполнительную власть и привел к тому, что наиболее приемлемой и универсальной для властей значительной части регионов стала модель избрания глав местного самоуправления через конкурсные процедуры[1].

Между тем формально-организационные рамки местного самоуправления, распространяемые сверху, не могли принципиально изменить сложившееся, прежде всего в силу местных социально-экономических условий, локального политического пространства территории и состава его основных акторов (Чирикова и Ледяев, 2017). Представляется, что не стоит преувеличивать влияние этих рамок на придание большей стабильности локалитету или на вытеснение из локальной политики неких рисковых акторов. Крупные, иногда по местным меркам, а зачастую и в масштабах российской экономики, предприятия и их руководство еще со второй половины 1990-х годов становятся одним из значимых локальных политических игроков. Естественно, что менеджмент этих предприятий, при сохранении своего намерения сберечь контроль над местным политическим пространством, так или иначе адаптируются к любым новым правилам игры. Но если приоритеты руководства изменились, то никакие ни старые, ни новые правила не смогут предотвратить «уход» предприятия из местной публичной политики.

Политическое пространство малого промышленного города, в котором отношения между акторами складываются достаточно вариативно, несмотря на свои весьма ограниченные территориальные размеры, представляется динамичным и многоуровневым. Политическая жизнь в промышленном городе, как правило, базируется на взаимодействии трех основных групп: местной администрации, которая представлена органами местного самоуправления и, как правило, аффилированным с ней коммунальным бизнесом; крупного бизнеса (градообразующих промышленных и иных предприятий); местного сообщества – общественных объединений, среднего и малого бизнеса, оппозиционных муниципальных группировок (Витковская и Рябова, 2011). Предприятия, участвуя в социально-экономической жизни города, конкурируют с другими местными группами за политическое влияние, а иногда и за доминирование в политическом пространстве. В городах с монопрофильным производством распространенными являются случаи, когда местная легислатура в значительной части состоит из представителей завода (Витковская, 2015).

[1] По данным профессора Института управления и регионального развития РАНХиГС, президента Европейского клуба экспертов местного самоуправления Э. Маркварта, приведенным им 14 мая 2019 года в докладе на ежегодном заседании клуба, 40 % муниципальных районов и 56 % городских округов избирают мэра по конкурсу в тех случаях, когда это регулируется законами субъектов Российской Федерации, и 51,5 % муниципальных районов и 65 % городских округов, когда это регулируется уставами муниципалитетов. Другие способы избрания (из состава депутатов представительного органа и прямые выборы) используются в несколько раз реже. Источник: Личный архив авторов.

Установление контроля над представительным органом власти предоставляет заводским депутатам не только широкие нормотворческие полномочия, но и неформальный лоббистский потенциал. Само наличие крупного предприятия на территории априори содержит в себе конфликтный потенциал и то, как именно складываются отношения менеджмента предприятия с местной властью и сообществом, отражается на политическом ландшафте города.

Политическое пространство, помимо горизонтальных отношений, включает в себя взаимодействия по вертикали. Эти отношения обусловливаются иерархичностью и зависимостью местных групп от региональных властей и групп влияния. Наиболее явно отношения между региональной и локальной элитой просматриваются в процессе рекрутирования главы муниципалитета. В 2015 году вводится модель конкурсного рекрутирования, согласно которой глава исполнительной власти муниципального образования избирается депутатами представительного органа власти из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. В муниципальных районах и городских округах конкурсная комиссия наполовину формируется высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, что изначально предоставляет преимущество региональной власти.

Глава исполнительной власти в малом городе, по оценкам исследователей, может выступать в качестве одной из самых влиятельных политических фигур, что связано не только с формально занимаемой им должностью, но и наличием персональных ресурсов (Чирикова и др., 2014; Ledyaev et al., 2014). Поэтому в политических пространствах с фрагментированной локальной элитой независимо от того, какая модель избрания главы используется, позиция главы исполнительной власти будет вызывать интерес у местных групп и конкуренцию между ними (Ledyaev and Chirikova, 2017; Панов и Петрова, 2017).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Фокус исследования направлен на определение роли, стратегии участия или неучастия промышленных предприятий в процессе конкурсного рекрутирования главы города. Чем объясняется участие или неучастие градообразующих предприятий в этом процессе? Какие коалиции складываются в ходе проведения конкурса и как выстраиваются властные иерархии политического пространства по горизонтали и по вертикали?

Ответить на эти вопросы поможет теория социального пространства П. Бурдье, согласно которой социальное пространство – это «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» (Бурдье, 1993, с. 10).

По этой логике политическое пространство города может быть рассмотрено как явление многомерное, в котором находятся разные относительно

автономные поля, среди которых можно выделить: 1) политико-экономическое поле; 2) публично-политическое поле; 3) поле элитных взаимодействий; 4) политико-символическое поле (Панов, 2018, с. 79). Многомерность политического пространства выражается как в наличии различного количества центров в каждом поле, так и выстраивании иерархии между полями и возможности определять структуру другого поля. В исследовании важно определить причины и условия детерминированности структуры элитного поля политико-экономическим полем при проведении конкурсных процедур. Другими словами, почему и при каких условиях политико-экономическое поле может определять характер поля элитных взаимодействий?

В качестве кейсов исследования проанализировано 29 случаев проведения конкурсов на замещение должностей глав местного самоуправления, которые прошли в промышленных городах Пермского края, Свердловской и Челябинской областях в период с 2015 по 2018 год[2].

Федеральным законом от 3 февраля 2015 года вводится новая, уже пятая, модель муниципального управления, когда глава муниципалитета избирается депутатами из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией, и одновременно становится руководителем местной администрации (речь идет о так называемой «конкурсной модели»). Во всех рассмотренных случаях главы были избраны по данной модели, что создает единообразные процедурные условия для протекания политического процесса рекрутирования глав. Изначально в рамках исследования в выборку попали 30 наиболее «промышленных», с точки зрения структуры занятости населения[3], городов уральского региона из 56 городов, вошедших в базу данных «Политическое пространство промышленных городов Урала»[4]. Однако в Усольском муниципальном районе Пермского края конкурс так и не был проведен, поскольку в 2018 году район присоединился к соседнему Березниковскому городскому округу и фактически стал частью березниковского политического пространства.

В исследовании предпринята попытка систематизировать взаимосвязь между ключевыми характеристиками политико-экономического поля локального политического пространства (ключевые социально-экономические пока-

[2] 14 промышленных городов Свердловской области: Арамиль, Верхняя Пышма, Верхняя Салда, Верхняя Тура, Волчанск, Каменск-Уральский, Кировград, Красноуральск, Кушва, Нижний Тагил, Первоуральск, Полевской, Ревда, Сухой Лог; 5 промышленных городов в Пермском крае: Березники, Горнозаводск, Лысьва, Нытва, Соликамск; 10 промышленных городов в Челябинской области: Аша, Верхний Уфалей, Карабаш, Кыштым, Магнитогорск, Миасс, Нязепетровск, Сатка, Усть-Катав, Южноуральск.

[3] База данных показателей муниципальных образований [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 15.04.2019). Выборку составили муниципальные образования по количеству занятых в сферах экономической деятельности категории «C» (добыча полезных ископаемых) и «D» (обрабатывающие производства).

[4] Подробнее: обоснование выборки (Панов, 2018). База данных создана при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» при участии коллектива ученых отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Витковская Т. Б., Ковин В. С., Назукина М. В., Панов П. В., Петрова Р. И., Рябова О. А., Филиппова Е. Ю.).

затели градообразующих предприятий и их характеристики, наличие в городе территорий опережающего социально-экономического развития), и группой переменных, характеризующих публично-политическое поле в отношении глав муниципальных образований (порядок рекрутирования на должность главы города и аффилированность глав с ведущими промышленными предприятиями) (Панов, 2018). Характеризуется степень вовлеченности предприятия в формирование персонального состава администрации города, выделяются типы участия «промышленников» в текущем политическом процессе. Прослеживается взаимосвязь между типами (моделями) участия или неучастия значимых местных предприятий в конкурсах на замещение должности глав с типами прошедших конкурсов.

Все конкурсы проанализированы, исходя из типологии, разработанной авторами в предыдущих исследованиях (Ковин и Петрова, 2017). Типология основывается на двух базовых критериях конкурентности и конфликтности:

– неконкурентное и неконфликтное избрание главы муниципального образования. Среди основных претендентов в конкурсе участвуют инкумбент или согласованный на всех уровнях основной преемник. Конкурсные процедуры проходят без видимых конфликтов и срывов, процедура завершается консолидированным голосованием депутатов.

– неконкурентное, но конфликтное избрание главы. Обозначается основной претендент (инкумбент или его преемник), при этом предпринимаются попытки выдвижения конкурентов из числа соперничающих групп влияния. Однако конкуренты, как правило, отсеиваются на предварительной стадии, и в финал выходит технический соперник согласованного претендента. Конкурсные процедуры нередко сопровождаются публичными конфликтами, срывами, переносами, жалобами со стороны конкурентов.

– конкурентное, но неконфликтное избрание главы. В конкурсе принимают участие несколько относительно серьезных претендентов, поддержанных местными группами интересов. Региональная власть не проявляет публичного интереса к конкурсу или сознательно дистанцируется и активно не вмешивается. Однако при итоговом голосовании происходит раскол депутатов и неконсолидированное голосование. При этом конкурсные процедуры не сопровождаются публичными конфликтами, срывами и переносами конкурса; без изменений правил организации процедур.

– конкурентное и конфликтное избрание главы. В конкурсе принимают участие несколько реальных претендентов, поддержанных местными группами интересов, основным из которых удается дойти до голосования комиссии и депутатов. Вследствие раскола депутаты голосуют неконсолидированно. В этом случае конкурсные процедуры сопровождаются публичными конфликтами, срывами и переносами, пересмотром правил проведения конкурса.

Следует отметить, что внедрение «конкурсной модели» в политическое пространство регионов реализуется весьма интенсивно. За несколько лет эта модель фактически стала доминирующим способом формирования муниципальной власти. Однако ей посвящено весьма незначительное количество политологических исследований, которые носят преимущественно эмпирический характер.

Применительно к теме исследования следует отметить работу Р. Мухаметова (Мухаметов, 2018). Автором на основе статистического анализа биографий 77 глав муниципальных образований Свердловской области, избранных на конкурсах с марта 2015 по ноябрь 2018 года, составлен коллективный портрет мэра уральского города. В частности, исследователь отмечает, что чаще всего будущие главы городов рекрутировались из чиновников, работавших на муниципальной службе (72,7 % от общего числа, почти 68 % из них фактически являлись инкумбентами), что значительно превышает число выходцев из бизнеса (лишь 14,3 %). Однако автор упускает из виду, из каких структур будущие главы, «пришли» на муниципальную службу, иногда лишь за несколько месяцев до избрания на должность мэра. В этом контексте связь с бизнесом прослеживается значительно чаще.

Коллектив авторов пермского Центра сравнительных политических и исторических исследований (А. Гилев, А. Семенов, И. Шевцова) в исследовании «"Политические машины" и их "водители": электоральное администрирование на местном уровне», с применением метода порядковой логистической регрессии, проанализировали биографии глав муниципалитетов Удмуртии, Пермского края и Челябинской области в 2000–2016 годах и данные электоральной статистики за тот же период. Авторы дают преимущественно электоральное объяснение тому факту, что главы местного самоуправления в основном рекрутируются из органов муниципальной исполнительной власти. Эксперты констатируют, что «привлечение на роль муниципальных руководителей лиц не из исполнительной власти приводит к ухудшению электорального результата "Единой России", то есть подрывает силу "политических машин"», а «принадлежность муниципального руководителя к исполнительной вертикали увеличивает» их электоральную эффективность. Главы муниципалитетов, занимавшие ранее административные посты, «обеспечивают "партии власти" значимо более высокие электоральные результаты, чем выходцы из внешней среды, например, представители бизнеса» (Гилев и др., 2017).

Таким образом, делается вывод о том, почему региональные власти, а именно они так или иначе курируют работоспособность локальных «политических машин» и играют решающую роль при проведении конкурсов (Панов и Петрова, 2017; Зуйкина и Кочнева, 2017), делают выбор в пользу выходцев из администрации, а не из бизнеса. Однако это все же не объясняет степень участия или неучастия самих предприятий и их управленческого звена в конкурсных процедурах.

В свою очередь, О. Рябова и Е. Филиппова отмечают высокую степень вариативности актуальной политико-экономической ситуации в промышленных городах Урала. Проведенный авторами сравнительный анализ включенности градообразующих предприятий в политическую жизнь промышленных городов Урала показывает, что вариативность роли предприятий в политике таких городов зависит от сочетания следующих факторов: «происхождение» топ-менеджера предприятия («местный» vs. «варяг»), статус собственника предприятия (государственная компания vs. негосударственная компания) и локализация контроля над предприятием («местный» vs. «внешний»). Выделенные исследователями «субъективные» факторы, связанные с персональным составом руководства градообразующих предприятий и степенью его самостоя-

тельности, оказываются, в силу экономической и иной конъюнктуры, весьма динамичными, что меняет уровень их вовлеченности в локальные политические процессы. Авторы утверждают, что период «тотальной» интеграции градообразующих предприятий в политическую и социальную жизнь промышленных городов Урала остался в прошлом, а непростая экономическая ситуация заставляет их отказаться от масштабных политических проектов и сконцентрироваться на основной деятельности (Рябова и Филиппова, 2018).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное исследование подтверждает тот факт, что с 2010-х годов предприятия значительно реже принимают активное публичное участие в местной политике – реже делегируют своих представителей на должности мэров и устанавливают контроль над представительными органами. Лишь в 8 из 29 рассмотренных случаев предприятия делегировали «заводчан» на должность главы (в Верхней Пышме, Магнитогорске, Первоуральске, Соликамске, Кушве, в том числе в трех случаях с выдвижением технического кандидата – в Полевском, Красноуральске, Кировграде). Еще в двух случаях переизбирался инкумбент, уже давно делегированный в местную власть «заводчанин» (в Березниках и Сатке). В 14 случаях депутаты одного или нескольких градообразующих предприятий контролируют городской представительный орган, имея в нем большинство и занимая пост спикера, либо обладают заметным влиянием, составляя в представительном органе крупнейшую «фракцию» (в тех же городах, за исключением Кушвы и Сатки, включая Нижний Тагил, Верхнюю Салду, Ашу, Ревду, Каменск-Уральский, Усть-Катав) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Депутаты, имеющие аффилиацию с предприятием в представительном органе власти / Deputies affiliated with the company in the representative authority

Муниципалитет	Доля депутатов, %	Муниципалитет	Доля депутатов, %
1	*2*	*3*	*4*
Пермский край			
Березники	56	Нытва	5
Горнозаводск	0	Соликамск	44
Лысьва	0	Усолье	0
Свердловская область			
Арамиль	0	Красноуральск	47
Верхняя Салда	35	Кушва	30
Верхняя Пышма	35	Нижний Тагил	36
Верхняя Тура	13	Первоуральск	32
Волчанск	20	Полевской	25
Каменск-Уральский	44	Ревда	35
Кировград	80	Сухой Лог	10

1	*2*	*3*	*4*
Челябинская область			
Аша	63	Миасс	40
Верхний Уфалей	0	Нязепетровск	7
Карабаш	13	Сатка	50
Кыштым	10	Усть-Катав	40
Магнитогорск	50	Южноуральск	15

Источник: составлено авторами на основании Базы данных (создана при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» // Из личного архива Витковской Т. Б., Рябовой О. А.).

Участие предприятия в конкурсной процедуре по избранию главы города может осуществляться в трех основных вариациях:

– первый тип (11 случаев) – прямое, или непосредственное, участие в конкурсе;

– второй тип (6 случаев) – непрямое, или опосредованное, участие;

– третий тип (13 случаев) – неучастие предприятия в конкурсе, когда завод публично не проявляет интереса к позиции главы, не выдвигает и публично не поддерживает кандидатов на пост главы города.

В свою очередь, каждому типу участия предприятия соответствует определенный тип конкурса (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Типы участия предприятия в конкурсе / Types of company participation in the competition

Тип участия предприятия в конкурсе	**Подтип участия**	**Тип конкурса**
Прямое / непосредственное участие предприятия	Результативное, беспроблемное, проблемное	Неконкурентный, неконфликтный, неконкурентный, конфликтный
	Нерезультативное	Конкурентный, неконфликтный
Опосредованное (косвенное или непрямое) участие предприятия	Результативное	Неконкурентный, неконфликтный
	Нерезультативное	Неконкурентный, конфликтный
Неучастие в конкурсе	«Некому», «нет интереса», «все плохо»	Неконкурентный, неконфликтный

Источник: составлено авторами.

Первый тип участия характеризуется тем, что управленческое звено градообразующего предприятия активно вмешивается в избирательный процесс, либо делегируя своего представителя на пост главы города, либо публично поддерживая одного из кандидатов и обеспечивая нужное голосование «своих» депутатов в представительном органе. Иногда, чтобы конкурс не сорвался, предприятие выставляет своего представителя в качестве «технического»

кандидата для своего основного кандидата или для кандидата, согласованного с местной и/или региональной администрацией. Таким образом, предприятие фактически является одним из системообразующих акторов политического пространства региона, выступая в тандеме с местной властью.

В свою очередь, прямое участие в конкурсе для предприятия может быть беспроблемным, когда ему удается провести кандидата без конфликтов и с первого раза, и проблемным, в условиях, когда предприятие конфликтует с местными элитными группами и испытывает сложности с избранием поддерживаемого им кандидата.

Для первого подтипа характерны неконкурентные и неконфликтные конкурсы. Так, например, в октябре 2016 года в Магнитогорске (Челябинская область) депутатами единогласно был избран С. Бердников, топ-менеджер градообразующего предприятия Магнитогорского металлургического завода[5]. Важно отметить, что С. Бердников стал четвертым главой, делегированным заводом в состав руководства города.

В Верхней Пышме (Свердловская область) в сентябре 2018 года главой города избран И. Соломин, ранее работавший в «Уралэлектромеди», заводе, входящем в холдинг «Уральской горно-металлургической компании» (УГМК)[6]. Председателем думы стал также представитель завода.

Для проблемного подтипа участия наиболее распространенными стали неконкурентные, но конфликтные конкурсы. Такие конкурсы прошли в Верхней Салде и Полевском (Свердловская область), а также Соликамске (Пермский край). Сложности в проведении кандидата, аффилированного с заводом, возникали в связи с попытками принять участие в конкурсе других значимых фигур города. В Полевском в результате конфликта действующего главы с градообразующим предприятием первый был вынужден снять свою кандидатуру[7], а в Верхней Салде из-за противостояния оппозиционной группы во главе с действующим главой и коалиции городской администрации с градообразующим предприятием, Верхнесалдинским металлургическим производственным объединением («ВСМПО») пришлось проводить повторный конкурс[8]. Фрагментированное политическое пространство создает конфликтную ситуацию, однако управленческое звено предприятия в союзе с региональной властью старается купировать конфликт еще на ранних стадиях проведения конкурса.

Участие предприятия в конкурсных мероприятиях, как показало исследование, не всегда может завершиться победой промышленников. Хотя это ско-

---

[5] *Магнитогорские* депутаты сменили главу города [Электронный ресурс] // Российское информ. агентство Ura.ru. 2016. 25 окт. URL: https://ura.news/news/1052265533 (дата обращения: 24.04.2019).

[6] *Депутаты* Верхней Пышмы выбрали главу города и спикера думы [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 2018. 20 сент. URL: https://www.znak.com/2018-09-20/deputaty_verhney_pyshmy_vybrali_glavu_goroda_i_spikera_dumy (дата обращения: 15.04.2019).

[7] *Свердловские* власти определились с кандидатом в главы Полевского [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 2017. 1 авг. URL: https://www.znak.com/2017-08-01/sverdlovskie_vlasti_opredelilis_s_kandidatom_v_glavy_polevskogo (дата обращения: 10.04.2019).

[8] *Депутатам* не до спячки. Десять кампаний по назначению мэров на Среднем Урале [Электронный ресурс] // Федералпресс. 2017. 2 нояб. URL: http://fedpress.ru/article/1887487 (дата обращения: 13.04.2019).

рее исключение, чем правило. Так, например, в Кушве (Свердловская область) в условиях конкурентного политического пространства и наличия нескольких сильных элитных групп депутатами был переизбран М. Слепухин, несмотря на участие в конкурсе двух кандидатов, аффилированных с крупным предприятием города, Кушвинским заводом прокатных валков[9]. Поскольку открытых процедурных конфликтов в конкурсный период замечено не было, этот конкурс может быть охарактеризован как неконфликтный и конкурентный.

Для опосредованного типа участия характерно, что предприятие публично и открыто не проявляет интереса к конкурсу и не выдвигает кандидата из числа бывших и действующих сотрудников. Однако при этом может переизбираться действующий глава, выходец из состава предприятия, давно перешедший во власть, либо его «преемник». Информация о том, что этот кандидат был согласован с руководством предприятия или что завод намерен с ним сотрудничать, не опровергается, а в представительном органе обеспечивается консолидированное голосование «заводских» депутатов, реализуется так называемая модель «поддержка своих во власти».

Для результативного участия опосредованного типа характерны неконкурентные и неконфликтные конкурсы. Модель «поддержка своих во власти» наблюдается в Сатке (Челябинская область) – переизбрание А. Глазкова, действующего главы, выходца из состава градообразующего предприятия Магнезит; Березниках (Пермский край) – переизбрание С. Дьякова; Аше (Челябинская область), где депутаты из Ашинского металлургического завода контролируют местную думу.

Однако не всегда опосредованное участие основного градообразующего предприятия в конкурсе завершается победой его кандидатов. В Южноуральске в условиях конкурентной среды вокруг нескольких предприятий и элитных групп главой города стал А. Лазарев, преемник экс-главы Е. Соболева, имеющего отношение к Южной межрегиональной энергетической компании («ЮМЭК»), конкурирующей с другим градообразующим предприятием города, Южноуральским арматурно-изоляторным заводом («ЮАИЗ»)[10]. В Южноуральске фактически реализовалась модель «неравной конкуренции» между предприятиями, когда административный ресурс оказался в руках одного из конкурентов.

В Карабаше (Челябинская область) решающим оказался региональный административный ресурс. Градообразующее предприятие «Карабашмедь», входящее в состав холдинга «Русской медной компании» (РМК), поддерживало местных кандидатов на пост главы города. Но в итоге победу одержал кандидат-варяг, ставленник регионалов[11].

Получается, что результативность прямого или опосредованного участия может быть как положительной, когда поддержанный предприятием кан-

[9] *Интервью* с главой города. 2018. 3 июня // Из личного архива Петровой Р. И.

[10] *Главой* Южноуральска избран Александр Лазарев [Электронный ресурс] // Интернет-газета Znak. 2015. 19 нояб. URL: https://www.znak.com/2015-11-19/glavoy_yuzhnouralska_izbran_aleksandr_lazarev (дата обращения: 20.04.2019).

[11] *Карабаш* сменил главу. Призвали «варяга» [Электронный ресурс] // Ура.ру. 2015. 22 декабря. URL: https://ura.news/news/1052234929 (дата обращения: 22.04.2019).

дидат побеждает, так и отрицательной. Результативными стали 13 случаев прямого или опосредованного участия предприятия в конкурсе, а нерезультативными – всего три (в Кушве, Карабаше, Южноуральске – но для одного из предприятий). Кроме того, в большинстве случаев (9 из 16), явно или неявно включаясь в процесс избрания главы, ведущее предприятие не испытывало серьезных проблем, конкурс проходил достаточно гладко. Естественно, что все три нерезультативных участия в конкурсах прошли в условиях острой борьбы в политическом пространстве территории.

Наиболее часто встречаются случаи неучастия предприятий в конкурсных процедурах. Отмечая латентность этих конкурсов, мы все же попытались дифференцировать их изнутри. Неконкурентные и неконфликтные конкурсы прошли в городах, где предприятия находились в тяжелом экономическом состоянии при наличии высокой степени риска ухудшения положения. Поэтому вкладываться в этот период в политические проекты для таких предприятий не являлось актуальным. Так называемая модель «все плохо» имела место во время процедуры банкротства градообразующих предприятий в Нытве (Пермский край), Верхней Туре (Свердловская область), Нязепетровске (Челябинская область), где предприятиям совсем недавно удалось пережить кризис. В условиях, когда предприятия принадлежат крупному холдингу (в Волчанске, Свердловская область), «неместным» группам компаний, чье управленческое звено находится вне территории или ориентировано на соседние регионы (в Кыштыме, Лысьве, Каменске-Уральском, Миассе), у промышленников «нет интереса» к позиции главы исполнительной власти. В Арамиле (городе-спутнике Екатеринбурга), напротив, отсутствуют крупные игроки, но много мелких интересантов, и фактически среди промышленников нет единой доминирующей силы, которая могла бы взять на себя бремя ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно предположить, что стратегия участия или неучастия промышленного предприятия в процессе конкурсного рекрутирования главы зависит от сочетания в локальном политическом пространстве целого ряда факторов, среди которых можно выделить ведущие:

Экономическое состояние предприятия и его вложения в социальные программы города. Экономически процветающие, стабильные предприятия вкладываются в социальные программы, направленные на развитие города. Крупные промышленники, как правило, вкладываются в собственные будущие кадры, тем самым наращивая качество человеческого капитала. Выгодополучателем становится не только предприятие, но и региональные власти, местное сообщество. Чем активнее социальная политика предприятия, тем крепче его тандем с городской властью. В таком городе органы исполнительной и законодательной власти чаще всего в значительной мере формируются из представителей предприятия. Таким образом, власть отождествляется с заводом. Данный фактор проявляет себя, прежде всего, в моногородах со стабильным экономическим положением градообразующего предприятия (например, Магнитогорске,

Нижнем Тагиле)[12], а также в промышленных городах с диверсифицированной экономикой, со стабильно развивающимися предприятиями разных отраслей, городах, где как в политическом, так и социально-экономическом поле доминируют промышленники, в некоторых случаях фактически монополизировав его.

Наиболее яркие примеры таких устойчивых связей: в Магнитогорске – Магнитогорский металлургический комбинат («ММК»), в Верхней Пышме – «Уралэлектромедь» («УГМК-Холдинг»), а также его филиалы в Кировграде, Красноуральске («Святогор»). В результате из числа заводчан рекрутируется исполнительная и значительная часть представительной власти в городе, либо мнение градообразующего предприятия обязательно учитывается региональной властью при подборе оптимальной кандидатуры (в Усть-Катаве – Усть-Катавский вагоностроительный завод, филиал Государственного космического научно-производственного центра имени М. В. Хруничева).

Однако существуют примеры обратной ситуации, когда монопольному положению предприятия в территории вряд ли что-то может угрожать, а вложения в местную политику не могут принести существенных дополнительных преимуществ. Тогда предприятие может терять интерес к активному участию в политической жизни муниципалитета, не выдвигая своих представителей в органы власти (в Горнозаводске – «Горнозаводскцемент», в Ревде – предприятия цветной металлургии из состава холдинга «УГМК»).

Наличие нескольких крупных предприятий в одном политическом пространстве может как увеличивать и провоцировать конкуренцию между ними, так и являться сдерживающим фактором. Например, в Нижнем Тагиле достигнут устойчивый баланс между мэрией и двумя-тремя крупными предприятиями – Научно-производственной корпорацией «Уралвагонзавод» и «Евраз НТМК».

Схожая ситуация при доминировании одного из предприятий сложилась в Березниках – речь идет об «Уралкалии», «Азоте» (ОХК «Уралхим»), «АВИСМЕ» («Корпорация ВСМПО-АВИСМА»). В Соликамске такими предприятиями стали «Соликамскбумпром» и «Уралкалий».

Главы являются недавними или давними выходцами из состава ведущего предприятия, в думе представлены интересы всех градообразующих предприятий. Однако, если в городе складывается достаточно конкурентная среда, где градообразующие предприятия становятся лишь одним из нескольких акторов наряду с мэрией, коммунальщиками, иным частным бизнесом, баланс становится неустойчивым, а выборы главы и депутатов конкурентными. Например, в Южноуральске, где рыночная конкуренция между управленческим звеном двух предприятий («ЮМЭК», к которому имел отношение экс-глава города Е. Соболев, и более крупным предприятием «ЮАИЗ») вылилась в политическую конкуренцию (Е. Соболеву удалось провести своего приемника).

Немаловажную роль играет экономическое положение ведущих предприятий территории. Как правило, «перекредитованность», долги и тем

[12] Так называемая «Категория 3. Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода) со стабильной социально-экономической ситуацией». Источник: *Перечень* монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.07.2014 г. № 1398-р. URL: http://government.ru/docs/14051/ (дата обращения: 12.04.2019).

более процедура банкротства приводят к тому, что, оптимизируя расходы и ресурсы, предприятие теряет интерес к местной политике. За время политического «отсутствия» предприятия политическое пространство переструктурируется вокруг главы и мэрии, которая превращается в самостоятельный и автономный от завода актор, складываются свои сети. В результате заметно повышается риск поражения в случае, если у руководства предприятия вновь появляются политические амбиции. Так, например, произошло в Кушве, где в условиях высококонкурентной среды одно из градообразующих предприятий, Кушвинский завод прокатных валков, выдвинуло двух кандидатов в главы, но не получило поддержки. Сложное положение «Карабашмеди» (холдинг «РМК») в Карабаше также не позволяет предприятию играть более заметную роль в городе. Сама по себе рисковая ситуация – либо кризис предприятия, либо риск ухудшения положения в городе – сдерживает публично-политическую активность промышленников, становится одной из причин неучастия в конкурсах (подобная ситуация сложилась в Нытве, Верхней Туре, Нязепетровске).

Особенности отношений между местной властью и предприятием. Взаимоотношения между локальной властью и менеджментом предприятия могут носит конфликтный или неконфликтный характер, что находит отражение при проведении конкурсных процедур. В случае конфликтных отношений между основными акторами политического пространства разногласия проявляются при избрании главы города.

В Полевском бывший глава города А. Ковалев, который находится в ситуации постоянного конфликта с руководством «Северского трубного завода» («СТЗ»), снял свою кандидатуру, когда стало понятно, что К. Поспелов, директор по управлению персоналом «СТЗ», является консолидированным кандидатом от завода и региональной власти. Бесконфликтное сосуществование акторов обеспечивает работу городских властей в тандеме с промышленниками. Разногласий относительно основного претендента на пост главы в таком случае не происходит. Предприятие является источником административных кадров города и занимает значительное количество мест в представительном органе.

В качестве еще одного фактора выступает *степень самостоятельности предприятия (самостоятельное или головное предприятие холдинга / один из филиалов холдинга) и локализации контроля над ним («местный» / «внешний») в сочетании с происхождением управленческого звена («местные» / «варяги»)*. Когда предприятие становится частью крупного холдинга, степень его участия в локальной политике начинает определяться головным руководством предприятия. Местная политика становится малоинтересной в Волчанске (филиал «Научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод»), Кыштыме, Лысьве, Каменске-Уральском (заводы принадлежат «неместным» группам компаний), Миассе (автомобильный завод ориентирован на Башкирию).

Позиция региональной власти. Регионалы в интересах «большей управляемости» территории могут лоббировать «сверху» своего кандидата, который мог быть ранее не связан с территорией, в которой избирается[13].

[13] *Интервью* с сотрудником администрации губернатора Свердловской области. 2018. 10 июня // Из личного архива Петровой Р. И.

Другая часто встречающаяся ситуация: региональная власть поддерживает кандидата предприятия, что практически гарантированно обеспечивает его победу. И здесь определяющую роль играет позиция региональной власти – то, на кого региональная элита делает свою ставку. Примерами являются Соликамск, Первоуральск («Первоуральский новотрубный завод»), Полевской, где региональная власть сделала выбор в пользу завода, чтобы восстановить «управляемость» территории.

Таким образом, в силу социально-экономической специфики промышленных городов Урала их политическое пространство не может не реагировать на факт наличия в городе крупного промышленного производства и его управленческого звена как потенциального субъекта локальной политики. Однако индивидуальная констелляция указанных факторов создает в каждой территории уникальную ситуацию, которая определяет наряду с другими факторами степень активности предприятия в процессе рекрутирования глав местного самоуправления. Вне зависимости от того, какая стратегия выбрана предприятием (участия или неучастия в конкурсах), оно является важным элементом, который структурирует политическое пространство муниципалитета.

Библиографический список

Баранов А. В. Местные выборы 2015 г. в контексте муниципальной реформы (по материалам Краснодарского края) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 100–104.

Бурдье П. Социология политики / Под ред., пер. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

Витковская Т. Б. Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 3. С. 116–126.

Витковская Т. Б., Рябова О. А. Моногорода среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: Ин-т философии и права Уральского отделения Рос. акад. наук, 2011. 259 с.

Гельман В. Я. Конец местной автономии [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: http://www.zh-zal.ru/nz/2003/4/gel.html (дата обращения: 20.04.2019).

Гилев А. В., Семенов А. В., Шевцова И. К. «Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне // Полития. 2017. № 3 (86). С. 62–80. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80.

Зуйкина А. С., Кочнева Ю. К. Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 3. С. 169–183.

Ковин В. С., Петрова Р. И. Конкурентность в локальном политическом пространстве: конкурсы по избранию глав МСУ и выборы депутатов представительных органов власти в муниципальных районах и городских округах Пермского края в 2012–2017 гг. // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 112–120.

Ковин В. С., Подвинцев О. Б. Формальные и неформальные партии в Пермском крае: спрос и предложение // Политическая наука. 2015. № 1. С. 218–239.

Мухаметов Р. С. Социологический портрет мэров, избранных по «советской» системе (на примере Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 21–25.

Панов П. В. База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2018. № 3. С. 77–82.

Панов П. В. Стратегии региональных властей на выборах глав муниципальных образований в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 4 (28). С. 5–15.

Панов П. В., Петрова Р. И. Представительные органы МСУ как канал лоббирования интересов региона: новая система рекрутирования глав МСУ // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 2. С. 109–119.

Подвинцев О. Б. «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? // Pro et Contra. 2010. Т. 14, № 3. С. 97–105.

Росс К. Муниципальные выборы и электоральный авторитаризм в России // Политическая наука. 2008. №3. С. 111–125.

Рябова О. А., Филиппова Е. Ю. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 4. С. 81–86.

Туровский Р. Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51.

Туровский Р. Ф. Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития. 2014. № 4 (75). С. 86–99. DOI: 10.30570/2078-5089-2014-75-4-86-99.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105. DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07.

Lankina T. New System Weakens Municipalities // Russian Regional Report. 2005. Vol. 10, № 17. P. 1–4.

Ledyaev V., Chirikova A. Power in the Local Russian Communities: Patterns of Interaction Between Legislative and Executive Branches of Local Government // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, № 6. P. 990–1024. DOI: 10.1177/1078087416649755.

Ledyaev V., Chirikova A., Seltser D. Who Governs? Power in a Local Russian Community // Journal of Political Power. 2014. Vol. 7, № 2. P. 211–231. DOI: 10.1080/2158379X.2014.937586.

Wollmann H., Gritsenko E. Local Self-Government in Russia: Between Decentralization and Recentralization // Federalism and Local Politics in Russia / Ed. by C. Ross, A. Campbell. London: Routlege, 2008. P. 227–247. DOI: 10.4324/9780203891513.

Информация об авторах

Ковин Виталий Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; доцент кафедры истории России, всеобщей истории и археологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

Электронный адрес: kovinvit@gmail.com

Петрова Регина Игоревна – младший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук», 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; старший преподаватель кафедры политических наук ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0001-7494-3608

Электронный адрес: rance.regina@mail.ru

Статья получена 15 мая 2019 года

UDC 323.22/28:332.1(470.5)

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286

COMPETITIVE MODEL OF RECRUTING LEADERS IN THE POLITICAL SPACE OF INDUSTRIAL URAL CITIES: SPECIFICITY AND TYPOLOGY

Vitaliy S. Kovin

Perm Federal Research Center UB RAS, 13a Lenina str., Perm, 614990, Russia Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Siberian str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-0338-4332

ResearcherID: P-7599-2019

E-mail: kovinvit@gmail.com

Regina I. Petrova

Perm Federal Research Center UB RAS, 13a Lenina str., Perm, 614990, Russia

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0001-7494-3608

E-mail: rance.regina@mail.ru

For citation:
Kovin, V. S. and Petrova, R. I. (2019), "Competitive Model of Recruiting Leaders in the Political Space of Industrial Ural Cities: Specificity and Typology", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 2, pp. 267–286, doi: 10.17072/2218-9173-2019-2-267-286.

Introduction. Industrial enterprises in small cities of the Urals in the 2010s have become much less likely to take active public participation in local politics. Nevertheless, the position of the chief executive generates interest among local groups and competition between them. What strategies are chosen and what factors lie behind the company's participation or non-participation in the process of competitive recruitment of the mayor? What coalitions are formed in the competition process and how are the power hierarchies of the political space built?

Aims. The paper is to determine the role and outline participation or non-participation strategies of industrial enterprises in the cities of the Urals in the competitive recruitment of local government leaders.

Methods. In-depth interviews, the theory of social space (P. Bourdieu).

Results. The relationship between the key characteristics of the political and economic field of the local political space and the public policy was systematized; analyzed were 29 recruitment competitions for local self-government heads in industrial cities of the Perm, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, in terms of their competitiveness and conflict; models of enterprise participation in the competition were identified and described; the leading factors influencing the choice of participation/non-participation strategy of an industrial enterprise in competitive procedures were determined.

Conclusion. An industrial enterprise and its management are subjects of local policy and an important element structuring the political space of a municipality. The main factors influencing the choice of participation or non-participation strategy by an enterprise in the process of competitive recruitment of an authority are as follows: the economic situation of the enterprise and its investments in the social programs of the city; the presence of several large enterprises in the same political space; features of the relationship between local authorities and the company; degree of the company's independence and localization of control over it; the position of regional authorities.

Key words: local policy; competitive recruitment model for heads of local government; industrial cities of the Urals; town-forming enterprises; political space; local government; municipal authorities; local elites

References

Baranov, A. V. (2015), "Local Elections in 2015 in the context of the Municipal Reform (case study of the Krasnodar Territory Materials)", *Theory and Practice of Social Development,* no. 17, pp. 100–104.

Bourdieu, P. (1993), *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Translated by Shmatko, N. A. (ed.), Socio-Logos, Moscow, Russia.

Vitkovskaya, T. B. (2015), "Legislatures in Small Towns of the Perm Region: Composition and Competence Level", *Review of Political Science*, no. 3, pp. 116–126.

Vitkovskaya, T. B. and Ryabova, O. A. (2011), *Monogoroda srednego Urala: lokal'nye elity i politicheskie protsessy* [Monotowns of the Middle Urals: Local Elites and Political Processes], Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Gelman, V. Ya. (2003), "End of Local Autonomy" [Online], available at: http://www.zh-zal.ru/nz/2003/4/gel.html (Accessed 20 April 2019).

Gilev, A. V., Semenov, A. V. and Shevtsova, I. K. (2017), "Political Machines" and Their "Drivers": Electoral Administration at Local Level", *Politeia*, vol. 86, no. 3, pp. 62–80, doi: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80.

Zuykina, A. S. and Kochneva, Yu. K. (2017), "The Competitions for the Municipal Head Positions in the Perm Region: Effects of Procedural Rules", *Review of Political Science*, no. 3, pp. 169–183.

Kovin, V. S. and Petrova, R. I. (2017), "Competitiveness in the Local Political Space: Electoral Competitions for heads of LSGS and elections of deputies of representative authorities in municipal districts and urban districts of Perm region in 2012–2017", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 112–120.

Kovin, V. S. and Podvintsev, O. B. (2015), "Formal and Informal Party in the Perm Region: Supply and Demand", *Political Science*, no. 1, pp. 218–239.

Muhametov, R. S. (2018), "Sociological Portrait of the Mayors Elected on the "Soviet" System (on the example of Sverdlovsk Region)", *Municipality: Economics and Management,* no. 4, pp. 21–25.

Panov, P. V. (2018), "Database "Political Space of the Industrial Cities of the Urals", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 3, pp. 77–82.

Panov, P. V. (2014), "Regional Authorities Strategies in the Heads of Municipalities' Elections in Perm Krai", *Review of Political Science*, no. 4 (28), pp. 5–15.

Panov, P. V. and Petrova, R. I. (2017), "Local Legislatures as a Channel of Lobbying Interests of the Region: a New System of Mayors' Recruitment", *Review of Political Science*, no. 2, pp.109–119.

Podvintsev, O. B. (2010), "Clay feet" of the Party in Power. What Caused the Loss of "United Russia" in Local Elections 2008–2010: Crisis in Society or Its Nature?", *Pro et Contra*, vol. 14, no. 3, pp. 97–105.

Ross, K. (2008), "Municipal Elections and Voting Authoritarianism in Russia", *Political Science*, no. 3, pp. 111–125.

Ryabova, O. A. and Filippova, E. Yu. (2018), "Core Enterprises in the Political Space of the Ural Industrial Cities: the Variability of Inclusion", *Perm Federal Research Centre Journal*, no. 4, pp. 81–86.

Turovsky, R. F. (2015), "Russia's Local Self-Government: the Agent of the Government in the Trap of Insufficient Funding and Civil Passivity", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 35–51.

Turovsky, R. F. (2014), "Subnational Policy: Introduction to Potential Theory", *Politeia,* no. 4, pp. 86–99, doi: 10.30570/2078-5089-2014-75-4-86-99.

Chirikova, A. Ye. and Ledyaev, V. G. (2017), *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Power in a Small Russian Town], Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Chirikova, A. Ye., Ledyaev, V. G. and Seltser, D. G. (2014), "Power in a Small Russian Town: Configuration and Interaction of Major Local Actors", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 88–105, doi: 10.17976/jpps/2014.02.07.

Lankina, T. (2005), "New System Weakens Municipalities", *Russian Regional Report*, vol. 10, no. 17, pp. 1–4.

Ledyaev, V. and Chirikova, A. (2017), "Power in the Local Russian Communities: Patterns of Interaction Between Legislative and Executive Branches of Local Government", *Urban Affairs Review*, vol. 53, no. 6, pp. 990–1024, doi: 10.1177/1078087416649755.

Ledyaev, V., Chirikova, A. and Seltser, D. (2014), "Who Governs? Power in a Local Russian Community", *Journal of Political Power*, vol. 7, no. 2, pp. 211–231, doi: 10.1080/2158379X.2014.937586.

Wollmann, H. and Gritsenko, E. (2008), "Local Self-Government in Russia: between Decentralization and Recentralization", *Federalism and Local Politics in Russia*, in Ross, C. and Campbell, A. (ed.), Routlege, London, UK, pp. 227–247, doi: 10.4324/9780203891513.

Received May 15, 2019